

Диалог культур и принцип дополнительности.

В августе 1938 г. Н. Бор выступил с докладом на Международном конгрессе по антропологии и этнологии. Тема доклада – «Философия естествознания и культуры народов». Говорил он в основном о квантово-механическом принципе дополнительности, пытаясь обобщить его на проблемы культурологи. Это не единственная попытка такого рода, к аналогиям между физикой и гуманитарными науками Бор возвращается во многих своих работах, полагая, что принцип дополнительности имеет общее мировоззренческое значение. Я попытаюсь продолжить эти попытки Бора, опираясь на некоторые его высказывания, к сожалению, чаще всего очень краткие и трудные для понимания. Интерпретация этих высказываний принадлежит мне, и Бор, разумеется, не несет за них никакой ответственности. Я ни в коем случае не утверждаю, что Бор понимал свои высказывания именно так, как я, и что он был бы со мной согласен.

Важно с самого начала отметить, что слово «дополнительность» у Бора имеет особый смысл, не совпадающий с его обычным бытовым значением. Дополнительные характеристики А и В какого-либо явления – это характеристики, которые нельзя одновременно точно описать, мы можем точно знать либо одну из них, либо другую. При этом точное определение А делает В совершенно неопределенным и наоборот. Такими характеристиками, например, являются координаты и импульс электрона. И это не связано с границами наших человеческих возможностей, речь идет об объективных особенностях электрона или других элементарных частиц. Если мы определили импульс частицы, то она при этом объективно не имеет точных координат и наоборот. Строго говоря, частица сама по себе не обладает траекторией, а, следовательно, и указанными динамическими характеристиками. Они возникают только при взаимодействии с разными макроприборами, которые несовместимы друг с другом. Это никак не похоже на наши бытовые представления. Мы, например, можем видеть либо одну сторону монеты, либо другую, но это вовсе не означает их дополнительность в квантовомеханическом смысле слова, так как, описывая одну из сторон, мы не оказываем при этом никакого влияния на другую.

Но вернемся к Бору и его попыткам обобщить принцип дополнительности на гуманитарные науки. В одной из своих работ 1929 г. он пишет: «Строго говоря, глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга»¹. И никаких разъяснений. Проходит почти два десятка лет, и в 1948 г. Бор повторяет ту же мысль и в столь же лаконичной форме: «Практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строго определения»². Обратите внимание, Бор фактически утверждает, что в ходе практического использования слова, мы не можем его точно определить, а давая точное определение, теряем возможность практического использования. Ну, разве это не парадокс?!

Неудивительно, что гуманитарии, которых, казалось бы, это касается в первую очередь, в основной своей массе не обратили на фразы Бора никакого внимания. Иначе и не могло быть, особенно в условиях традиционного резкого противопоставления наук гуманитарных и наук о природе. Были, конечно, и исключения. Роман Якобсон писал в статье 1966 года: «Способность говорить на каком-то языке подразумевает способность говорить об этом языке. Такая «металингвистическая» процедура позволяет пересматривать и заново описывать используемую языком лексику. Взаимодополнительность этих уровней – языка-

¹ Бор Н. Избранные научные труды. Т.П. М., 1971. С. 58.

² Там же. С. 398.

объекта и метаязыка – впервые отметил Нильс Бор»³. На возможные аналогии между квантовой механикой и гуманитарными науками указывал и М.М. Бахтин: «Экспериментатор составляет часть экспериментальной системы (в микрофизике). Можно сказать, что и понимающий составляет часть понимаемого высказывания, теста (точнее, высказываний, их диалога, входит в него как новый участник)»⁴. И тем не менее идея дополнительности не получила в гуманитарных науках последовательного развития, в том числе и у Бахтина, на чем я еще остановлюсь более подробно.

Но Бор есть Бор, и если он что-то сказал, над этим стоит подумать. С моей точки зрения, высказывания Бора можно интерпретировать следующим образом. Практическое использование слова – это воспроизведение непосредственных образцов словоупотребления, это действия в рамках невербализованных традиций языка и речи. Будем называть такие традиции социальными эстафетами. Но непосредственные образцы поведения или деятельности обладают одной существенной особенностью: отдельно взятый образец не задает четкого множества возможных реализаций, т.к. все на все похоже. «Сходство», как иногда говорят, – это пустой предикат. Слова, следовательно, в сфере их практического использования объективно не имеют строго определенного значения. Конечно, мы, как правило, имеем дело не с одним образцом, а с некоторым их множеством, и не с одним словом, а с множеством слов. Такой контекст придает и отдельному образцу некоторую определенность.

Можно предположить, что происходит следующее. Допустим, ребенку показали на стол и сказали: «Это стол». Он должен называть аналогичным словом все предметы, похожие на указанный предмет. Но на стол похоже решительно все в том или ином отношении, либо по цвету, либо по форме, либо по каким-то другим признакам или по способу употребления. Столом можно назвать и табуретку, и скамейку, и окрашенную в определенный цвет доску, и даже любой другой предмет похожего цвета. Иными словами, отдельно взятый образец порождает множество в принципе возможных, виртуальных эстафет. Но если мы уже более или менее овладели языком, то эти виртуальные эстафеты не реализуются, ибо сталкиваются с наличием других слов и других образцов. Мы, например, не назовем столом табуретку или верстак, если у нас уже имеются для этих предметов другие обозначения. Итак, контекст, лингвистический или практический, ограничивает сферу возможных реализаций того или иного образца. Это, вероятно, достаточно очевидно. Важно, однако, что этот контекст никогда не ограничивает эту сферу достаточно точно. Можем ли мы указать точную границу между столом и табуреткой или скамейкой? Контекст словоупотребления постоянно меняется, и в определенных условиях столом можно назвать и табуретку, и даже болотную кочку.

Что же происходит, если мы пытаемся строго определить, точнее, описать то или иное слово? Покажем это на конкретном примере. Мы постоянно используем слово «квадрат», мы можем говорить о квадратном столе или о квадратной раме для картины, о квадратном участке земли или о квадратной комнате. Но если мы точно определим слово «квадрат», то окажется, что во всех указанных случаях мы не имеем права его использовать, ибо ни один реальный объект, в строгом смысле слова, не является квадратом. Мы не найдем в этом реальном мире ни плоскостей, ни прямых линий, ни прямых углов. В сфере практического использования слова это сплошь и рядом не имеет значения, ибо мы ориентируемся на ту или иную конкретную ситуацию, на решение конкретной

³ Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С.19.

⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 302.

задачи. Мы считаем поверхность стола плоской даже тогда, когда существующие неровности отчетливо ощущаются кончиками пальцев. Мы не обращаем на это внимания, если неровности не мешают нам использовать стол по его назначению. Но где здесь граница, через которую нельзя перейти? Она определяется многими ситуативными факторами, которые невозможно учесть. Поэтому точное определение квадратного стола предполагает, что поверхность стола является абсолютно плоской, а этого реально никогда не бывает.

Абстрактно-теоретически это выглядит следующим образом. Если мы используем слово, опираясь на непосредственные образцы словоупотребления, то это слово нельзя точно описать, так как оно в принципе не имеет точного значения. Все зависит от контекста, который достаточно ситуативен. Если же мы хотим дать точное определение, то это можно сделать только одним способом: надо сконструировать некоторый искусственный контекст, предположив при этом его неизменность. Иными словами, надо построить идеализацию. Иного пути просто не существует.

Все сказанное можно обобщить и на описания деятельности. Воспроизведение деятельности по непосредственным образцам дополнительно по отношению к ее точному описанию. Точное описание всегда предполагает идеализацию. Могут сказать, что это давно известно, что любая теория, любое обобщение строится для так называемых идеальных (или идеализированных) объектов типа материальных точек, абсолютно твердых тел, идеальных газов и жидкостей и т.д. Да, это действительно давно известно, это давно осознали сами ученые, и об этом можно прочитать почти в любом курсе физики. Но, во-первых, никто не сопоставлял при этом словесных описаний деятельности с воспроизведением ее по непосредственным образцам. А без этого нельзя и сформулировать применительно к данному случаю принцип дополненности. Во-вторых, идеализацию чаще всего рассматривали как некоторый сознательно применяемый метод, а не как нечто объективно неизбежное.

Возникает вопрос, а что в данном случае выступает в качестве дополнительных параметров? Представим себе социальную эстафету как последовательность воспроизводимых образцов. Очевидно, что существует два способа ее описания или два вопроса, на которые надо дать ответ: какие именно образцы мы воспроизводим и что они собой представляют по содержанию? Именно эти описания и являются дополнительными. Указывая на образец, мы реализуем объясняющий подход, мы объясняем, почему тот или иной человек действует именно так, а не иначе, но мы при этом не можем точно зафиксировать содержание образца, ибо его просто не существует. А конструируя это содержание и вербализуя его, мы создаем нечто новое, порожденное таким «прибором», как наш язык, как мы сами. «Понимающий» или «описывающий» оказывается здесь частью изучаемой системы. Еще Б. Паскаль писал: «Во мне, а не в писаниях Монтеня содержится все то, что я в них вычитываю»⁵.

Думаю, что принцип дополненности в таком понимании позволяет по-новому осветить многие методологические проблемы гуманитарного исследования. Можно обсуждать с этой точки зрения проблему перевода, проблему языковой нормы, проблему соотношения объясняющего и понимающего подхода в гуманитарных науках. Историк, и прежде всего историк культуры, постоянно сталкивается с проблемой модернизации при изложении взглядов мыслителей прошлого. Это неизбежно, ибо он вынужден излагать их на современном языке. Можно, конечно, просто проследивать традиции в истории науки или литературы, однако такая история, избавляясь от модернизации,

⁵ Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. Л., 1987. С. 212.

лишается того содержания, без которого нет ни науки, ни искусства. Получается так, что подлинная история нема, а история говорящая лжет.

Вернемся с этой точки зрения к работам М.М. Бахтина. Вот что он пишет: «Существует очень живучее, но одностороннее и поэтому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры. Такое представление, как я сказал, односторонне. Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами, есть необходимый момент в процессе ее понимания; но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего. *Творческое понимание* не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело для понимания – это *внезаходимость понимающего* – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять»⁶.

Бахтин обсуждает проблему, которая получила в нашей литературе название проблемы презентизма и антикваризма. Это, вероятно, одна из главных методологических проблем исторического исследования вообще и истории культуры в особенности. Презентизм настаивает на неизбежности модернизации прошлого, антикваризм призывает к глубокому вживанию в чужую культуру. Бахтин, разумеется, прав, критикуя эту идею вживания. И дело даже не в односторонности такого подхода, он просто не имеет смысла, ибо вживаясь в чужую культуру, вы остаетесь современным ученым и вынуждены излагать свои наблюдения на современном языке. А это фактически и означает презентизм.

Что же предлагает Бахтин, что собой представляет его «творческое понимание»? Он пишет на той же странице: «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей своей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»⁷.

То, что описывает Бахтин представляет собой реальный и повсеместно реализуемый процесс в развитии культуры. Это процесс ассимиляции прошлого. Прошлое нельзя ассимилировать, не переводя на современный язык, не включая в современный контекст. Но смена контекста, как мы уже отмечали, меняет содержание образцов, и поэтому все прошлые тексты, художественные или научные, приобретают новое содержание. Вернадский писал, что с каждым крупным открытием историю науки надо переписывать, так как мы начинаем видеть нечто похожее и в прошлом, чего раньше не замечали. Это так, если под историей мы понимаем ассимиляцию прошлого в смысле Бахтина. Но такая ассимиляция – это необходимый исторический процесс, но вовсе не метод исторического исследования. Как метод – это откровенный презентизм, т.е. осознанное искажение прошлого. Это отмечает и сам Бахтин, ссылаясь на микрофизику: «Можно сказать, что и понимающий составляет часть понимаемого высказывания, теста». А если так, то любое понимание прошлого – это его искажение, его непонимание. И «внезаходимость» понимающего как раз и является причиной презентизма.

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 334.

⁷ Там же. С. 334-335.

Трудность, я полагаю, состоит в том, что речь почему-то идет только о понимании. А на этой базе вообще нельзя решить проблему презентизма и антикваризма. Но, помимо понимания, есть еще и объяснение. Прошое можно, да и нужно не только понимать, но и объяснять. А объяснение в истории культуры – это прежде всего выявление традиций, выявление тех образцов, в рамках которых действуют представители другой культуры. Но, как уже говорилось, выявляя образцы, мы не можем точно описать их содержание, а, конструируя это содержание в рамках собственного контекста, получаем нечто такое, что никак не объясняет поведение людей прошлого. Иными словами, принцип дополнительности мешает «диалогу» разных культур. Понимающий и объясняющий подходы в гуманитарных науках взаимодополнительны.

По сути дела, диалог с другой современной культурой очень напоминает диалог с нашим прошлым. При этом рациональный диалог требует сопоставления разных традиций на языковом уровне, требует вербализации образцов, что, как уже было сказано, неадекватно отражает реальность традиций. Имеет место, как отмечает Бор, зависимость объективного содержания от наблюдающего субъекта. Ситуация не безнадежна, мы просто должны ее принять и постоянно учитывать. Обратите внимание, мы даже в сфере науки не способны точно описать сферу применимости той или иной точной теории, а задаем ее на уровне отдельных примеров, т.е. образцов. Например, механика строится для так называемых материальных точек. Что это такое? Существует два типа определений или разъяснений того, что такое материальная точка. Одни авторы делают упор на то, что это тело бесконечно малых размеров или даже вообще лишенное протяженности, но имеющее массу. «Материальная точка, – пишет известный механик С.А. Чаплыгин, – порция вещества с исчезающе малыми размерами, но обладающая вещественностью. Ее можно представить себе или как результат деления физического тела на бесконечно большое число частей, или как результат сжатия конечной массы»⁸. Очевидно, как признают и сами авторы, таких тел реально не существует. Другие рассматривают материальную точку как реальное тело в условиях решения таких задач, которые позволяют пренебречь размерами и формой этого тела. Такое определение дано в курсе механики Ландау и Лифшица: «Одним из основных понятий механики является понятие *материальной точки*. Под этим названием понимают тело, размерами которого можно пренебречь при описании его движения. Разумеется, возможность такого пренебрежения зависит от конкретных условий той или иной задачи. Так планеты можно считать материальными точками при изучении их движения вокруг Солнца, но, конечно, не при рассмотрении их суточного вращения»⁹. Обратите внимание, применимость теории зависит от конкретных условий. От каких именно? Никакого правила авторы не формулируют, но указывают на образец. Приведенные два определения дополнительные. Одно точно указывает сферу применимости теории – это тела, имеющие массу, но не имеющие размеров. Увы, таких тел не существует, теория, иначе говоря, нигде не применима. В другом определении речь идет о реальных телах, которые в определенных условиях можно принять за точку, но эти условия заданы только на уровне образцов. Иными словами, сфера применимости точной теории, сфера ее истинности задается на уровне образцов, которые, как уже говорилось, не задают четкого множества возможных реализаций. И это не мешает естественным наукам и, в частности, механике успешно развиваться и находить практическое применение. Полагаю, что приведенные рассуждения полностью решают знаменитую проблему И. Канта о возможности всеобщих и необходимых синтетических высказываний. Каждое

⁸ Чаплыгин С.А. Собрание сочинений. Т. IV. М-Л., 1949. С. 302.

⁹ Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Механика. М., 1958. С. 9.

такое высказывание может быть сформулировано только применительно к искусственно построенному идеализированному объекту, а его отношение к реальным объектам задано набором образцов с присущей им неопределенностью.

Принцип дополнительности, таким образом, задает границу рациональности. Если культура – это совокупность традиций (образцов), то она не может быть адекватно представлена в виде некоторого множества высказываний. С точки зрения возможности ее рациональной экспликации, она представляет собой нечто замкнутое, как монада Лейбница. Есть ли у нас тогда надежда когда-нибудь понять друг друга? Н.Бор в своем докладе говорит по этому поводу следующее: «В атомной физике слово “дополнительность” употребляют, чтобы характеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть наглядно истолкованы лишь на основе взаимно исключающих друг друга представлений. Употребляя теперь это слово в том же примерно смысле, мы поистине можем сказать, что разные человеческие культуры дополнительны друг другу». Это понятно: находясь в рамках одной культуры, мы не способны адекватно понять другую, и наоборот. Мы просто искажаем другую культуру самим актом своего понимания. Но тут же на этой странице Бор продолжает: «Конечно, в этой области не может быть и речи о таких абсолютно исключающих друг друга соотношениях, как те, которые имеются между дополнительными данными четко определенных атомных объектов. Ведь едва ли существует культура, про которую можно было бы сказать, что она полностью самобытна. Наоборот, все мы знаем из многочисленных примеров, как более или менее тесный контакт между разными человеческими обществами может привести к постепенному слиянию традиций, из чего рождается совсем новая культура»¹⁰. Иными словами, культура замкнута относительно рационального диалога, но открыта в плане взаимодействия и слияния традиций. Разумеется, при отсутствии конфронтаций. Мне представляется, что с этой идеей Бора, опубликованной 70 лет тому назад, нельзя не согласиться.

¹⁰ Бор Н. Избранные научные труды. Т.П. М., 1971. С. 287-288.